

Владимир Рапацевич

РАССКАЗЫ

Оглавление:

АВТОБИОГРАФИЯ	2
О ВНУКАХ	4
БИЛЕТ ДЛЯ КОТА	8
ОТЕЦ ЛЕОНИД (Благочестивый самарянин)	9
НЕСКОЛЬКО БУДНИХ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ ОТЦА ЛЕОНИДА	16
НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ	25
О НАГРАДАХ	33

Автобиография

Рапацевич Владимир Иванович

Родился я в деревне Трактово-Курзан, Тулунского района, Иркутской области, в январе 1964 года. Отцу моему в ту пору было 48 лет, матери – почти 42 года.

Отец ещё до войны закончил техникум народного хозяйства, служил в штабе ЗабВо писарем, а потом кем только ни работал. И комбайнёром, и продавцом и счетоводом и полеводом и бухгалтером. Трудовой путь закончил главным бухгалтером колхоза. В жизни его была и война – с весны 42-го до конца 45-го. Вначале служил миномётчиком, после ранения с 1943-го наводчиком зенитного пулемёта ДШК. Были и 3 года тюрьмы, вернее работы на лесоповале в Хабаровском крае. Это случилось в середине 50-х.

Мать моя не имела образования, кроме 2-х с половиной классов начальной школы, и всю жизнь проработала на самых физически трудных работах в колхозе, а годы войны на лесозаготовках. Валили вручную лес, распиливали и вывозили, корчевали пни, гнали дёготь. Там она приучилась на всю оставшуюся жизнь курить табак и махорку. Была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медалью «Материнства», и орденом «Материнская слава» III ст. Так что наград у неё было не меньше чем у отца. (У отца орден Славы III ст., медаль «За победу над Германией»).

В семье в ту пору кроме меня были старшие две сестры и два брата. Старшая Людмила училась уже в медучилище в райцентре. Надежда закончила шесть классов и больше не училась, так как мешала болезнь, осложнённая эпилепсией. Старший брат Александр, которого мы все звали Шуркой, учился в сельской школе, а Валера на ту пору в школу ещё не ходил. Был и ещё братик, но он умер в младенчестве, когда ни меня, ни Валерки ещё не было.

Жили мы в большом пятистенном доме и имели на то время большое хозяйство: корову, двоих телят, свиней, уток, курей и даже индюков. Но вскоре вынуждены были переехать на центральную усадьбу в Умыган, так как отца определили на работу в правление колхоза бухгалтером. На новом месте хозяйство у нас было немного меньше.

В школу я уже пошёл там. Отец к тому времени с нами уже не жил. Родители развелись, и работать он стал в Черчете главным бухгалтером колхоза им. комиссара Бича. В дальнейшем я жил то с матерью, то с отцом.

С седьмого класса учился в школе – интернате №2 ст. Тайшет. Отец к тому времени вышел на пенсию и перебрался поближе к цивилизации, в посёлок Точильный. Посёлком тот был когда-то, а в 70-х годах это была небольшая деревня на самой границе с Красноярским краем. Школа там была уже давно закрыта, был только магазин. Жители большей частью пенсионеры, а кто помоложе, работали на железной дороге.

В школе начал активно заниматься спортом, но дальше любительского уровня не пошло.

Летом 1981 года умер отец, который несколько последних лет был тяжело болен. А менее чем через год в тубдиспансере умерла мать.

После окончания школы, в 1981 году поступал в юридический институт в г. Свердловске, но неудачно, и, прожив там год, окончив попутно СГПТУ-46, получил специальность фрезеровщика станков с ЧПУ. В Тайшет вернулся, так как в это время бурно развивались отношения с будущей супругой Еленой, с которой раньше учился в школе в одном классе последние четыре года.

Устроился на работу в инструментальный цех ЗРДСМ, фрезеровщиком, в последствии освоил много смежных профессий. До сих пор считаю, что завод сформировал из меня человека, как личность, научил работе и много ещё чему.

В армию не попал, хотя очень стремился и физически и морально был готов. Но за время занятия спортом, ухудшилось зрение. До сих пор жалею, что не пришлось отдать долг Родине, но Господь определил по Своему.

Женился в 1983 году, а осенью 1985 года у нас было уже две дочери – Марина и Светлана, которые появились на свет с разницей в полтора года.

Работая на заводе, активно участвовал в жизни комсомольской организации, продолжал заниматься разными видами спорта – лёгкой атлетикой, атлетизмом, гиревым спортом.

В начале 90-х, оказался без работы, и, помыкавшись некоторое время, занялся собственным делом, организовав первую в городе службу ритуальных услуг. Проработав там 11 лет, в 2004 году перешёл во вновь создаваемое муниципальное предприятие «Некрополь», которое возглавлял десять лет.

В декабре 2010 года был рукоположен архиепископом Иркутским и Ангарским Вадимов в диаконы. Служил в свободное от работы время (в воскресные и праздничные дни) в храме Воскресения Христова г. Бирюсинска. В 2013 году рукоположен в священники, а через полгода назначен настоятелем Воскресенского храма. После этого вынужден был полностью посвятить себя служению, оставив прежнее место работы.

Являюсь служащим священником в домашней часовне святителя и исповедника Луки Крымского в районной больнице г. Тайшета и прихода Святого праведного Иоанна Кронштадтского в селе Березовка.

Редактор газеты «Православный вестник» с декабря 2015 года.

Первый рассказ «Свидание с Родиной» написал в 2009 году. Писал, в первую очередь для себя, для внука и земляков, которые помнят меня и описанных в рассказах людей, среди которых прошло моё детство.

С того времени и по настоящую пору состою в литературном объединении при центральной библиотеке г. Тайшета.

О ВНУКАХ

Только мы вдвоём...

Внуков мы воспринимаем совсем не так, как детей. Восторгаемся ими больше, радуемся их успехам и, конечно же, многое им прощаем, и от родителей защищаем. Балует их. Портим их, конечно, своей любовью. Ну а как иначе?

А как радуемся, когда они у нас нарождаются! До сих пор деревня помнит день рождения моего внука. Отмечали это событие у сватов. Дочка в роддоме, зять в командировке со своим ПМС в районе Чуны. А нам, молодым дедам, гуляй – не хочу! Сваты подготовились мощно – ведро самогону. Мы с супругой тоже, только с магазинским провиантом. У сватов дом в то время был большой – бывшая библиотека, а ещё раньше здесь был сельсовет. Так вот, изба полна народу, столы буквой «Г» или «П», уже точно не помню. И гулянка до потолка! С песнями и плясками. А завершали уже в потёмках, возле родительского дома моей жены, который был всего – ничего, через дорогу наискосок. Костёр развели, и песни до утра. Московский тракт тогда через Байроновку проходил, и из проезжающих машин народ поглядывал с интересом и лёгкой завистью.

Да, хорошо отметили!..

А потом были первые шаги, ясли, садик, школа. Как-то быстро всё пролетает, вот уже в седьмой класс ходит, самбо занимается, как я когда-то. А некоторые моменты общения в памяти останутся. По крайней мере, у меня. А что бы и у него остались, для этого и пишу.

Одно время наладились мы с внуком каждый год по осени в лес ездить, уже когда картошку откопаем. Осень золотая, а мы с внуком (ему вначале чуть больше 3-х было) в лес на машине вдвоём. Разведём костёр, хлеба на прутике или сосиску пожарим, чай с термоса, чтобы надолго не затягивать процесс, а то малышу можно утомиться. Короче, всё как положено у мужиков. Костёр вместе соорудим, внук веточки подкладывает. После чая песню споём, костёр потушим и водой зальём, а сами домой.

Правда, когда начал служить в церкви, сначала диаконом, потом священником, времени совсем не стало, а осень - чуть проморгал, и уже закончилась. Но у нас с Вадиком сложилась другая традиция.

Каждую субботу с весны до самых морозов мы в деревне топили баню. Баня просторная, мы её с братьями жены построили ещё в конце 80-х. Печь получилась отменная, пар что надо и в то же время мягкий. Всем необходимым инвентарём снабжена: веники, шапки, рукавицы, разные добавки для аромата. Предбанник дощатый с просторными скамьями и большой ванной с холодной водой. Раньше мы мужской компанией парились подолгу, а затем в доме отлёживались, пока седьмой пот не сойдёт. Потом ужин, и, кто домой, а кто хочет, тот ночует - завтра ведь воскресенье. Ребятишки с младенчества приобщались к бане, сначала наши дети, а затем и внук. С мамками

ходили, конечно. Зять вот только насчёт попариться немного сачковал, непривычный к таким температурам оказался.

Так вот внук мой в баню с мужиками годам к пяти стал ходить. Постегают его веником потихоньку, в предбаннике посидит, газировки попьёт или кваску, потом помоемся. Разговоры мужские послушает, короче всё по-взрослому. Напоследок ещё водой холодной окатят.

А дальше я из компании мужиков выпал, потому как когда после вечерней службы приеду, все уже помоеются. Пару полно́, потому как печь так устроена, что можно топить и париться хоть до утра. Вода тоже есть, а компании нет. А без компании уже и не то. Всё вроде есть, а общения нет, а без этого как будто еда без соли. Вот тут и получилось, что Вадик с мужиками тоже перестал ходить. Стал меня дожидаться. Помоемся с ним вдвоём, попаримся, в предбаннике посидим. Потом ещё заход-другой. А чтобы скучно не было, мы иногда песню споём или байку ему расскажу. У Вадика воображение богатое. Ему что-нибудь рассказываешь, а по лицу его наблюдаешь, что он это событие буквально видит, и как будто переживает.

Однажды сидим с ним в предбаннике после очередного захода, и я предлагаю:

– Давай споём?

Внук говорит:

– Давай. Только давай про танки.

Спели про молодого командира танка, которого несли с разбитой головой. Я пел, а внук подтягивал. Иногда. Потом спели «Крепка броня и танки наши быстры». Больше я про танки не знал. Поэтому предложил внуку:

– Давай про коня споём.

Внук возражать не стал, и я начал:

– *Выйду ночью в поле с конём, ночью лунной тихо пойдём...*

Потом вместо коня я уже стал петь про внука:

– *Только мы идём с Вадиком вдвоём, только мы вдвоём по полю идём.*

Вадик внимательно слушал и против такой замены не возражал. А на третьем куплете я решил пошутить.

– *Сяду я верхом на Вадика! Ты носи по полю меня!* – а сам смотрю за его реакцией.

После небольшой паузы внук мне выдаёт:

– Ты дед совсем оборзел!

Я чуть со скамейки не упал. Вроде грубость внук сказанул, даже хамство, а на меня смех напал аж до слёз. Что ж, сам виноват. Нечего такие небылицы сочинять.

...Эх, вроде как вчера это было...

О древних женских инстинктах с современным уклоном.

Маша младше Вадима почти на девять лет. Мы со сватами её уже заждались. Правда к тому времени немного остепенились и рождение внучки встречали не с таким размахом, однако радости было много. У сватов особенная радость – у них двое сыновей, старший внук получается тоже мужского пола, и тут, наконец, девочка.

С именем зять и дочка уже заранее все решили, и надо сказать попали в точку. Как раз мультик вышел про Машу и медведя, и Маша по характеру как мультяшная её тёзка – всё живое от неё если вовремя не пряталось, то подвергалось любви до полусмерти. Как говорится: «Кто не спрятался, я не виноват!». Сейчас, правда чуть помягче стала, но любовь к животным не ослабевает, особенно к коровам, лошадам, хрюшкам, я уже не говорю про собак и кошек.

Этим летом ездили мы с дочкой и Машей в мою родную деревню. Там родня держит несколько коров, быка, поросят и другую живность. Бык чёрный здоровенный, а Маша его через загородку травой кормит:

– Борька ма-а-а-ленький!

На огромных хряков:

– Поросёночек ми-и-и-ленький! Можно его погладить?

А уж коров с бабой Ниной и в поле раным-ранёшенько провожала, и встречала, и доить пробовала. Жаль, что титька коровья в руке пока не уместается. Вспоминает теперь и вздыхает:

– Борька скучает по Маше.

В Берёзовке у Маши живёт друг и ровесник Серёжа. Родители его тоже держат скотинку. Помимо коровы, козла, овец и гусей, есть молодой конь. Серёга по хозяйству родителям помогает, очень ответственный парень растёт. Были мы у них пару раз в гостях. Специально, чтобы Маша могла насладиться общением с животными.

После этих поездок Маша говорит:

– Серёжа – принц!

Мы поражены:

– А почему?

У Маши на лице досада на нас. Ну как вы понять не можете?

– Ну, потому, что у него есть конь!

Всё правильно, и как мы не догадались. Ведь древнее слово «князь» произошло от слова «конник». А пока Серёжа маленький, он не князь, а принц.

Помимо огромной любви к животным, у Маши с младенчества врождённое кокетство. С бабушкой себя ведёт так, а с дедом совсем иначе. Особенно вначале встречи, когда в гости приходит, или дед со службы возвращается, а Маша у нас дома. Ну а уж перед зеркалом покрутиться, да наряды поменять!

В последнее время у внучки начали просыпаться инстинкты материнства. Конечно, у всех девочек они есть. Потому, за редким исключением, они с раннего возраста

начинают играть в кукол, каши варить и в другие разные игры играть, где проявляются в них задатки будущих хозяек семейного очага.

Исключения, правда, бывают. Например, моя будущая супруга в детстве играла исключительно в мальчишечьи игры – машинки, пистолеты, и даже в хоккей. У неё и своя клюшка с шайбой были. В конце апреля, когда тает снег и речка ото льда освобождается, на пятый день рождения ей подарили большую куклу, которая говорила «мама» и закрывала глаза, если положить её на спину. Так на третий день, Лена с компанией друзей, которая состояла из двух братьев и других мальчишек, без всякого сожаления отправили её по Байроновке-реке к синему морю. Без всяких плавсредств, на спину положили и ручками вслед ей помахали – плыви, кукла. Но этим склонностям к мальчишечьим играм есть объяснение, так как в её компании девочек не было, зато пацанов хоть отбавляй.

А у Маши именно инстинкт материнства. Правда, с оттенками детского эгоизма.

Однажды просыпается не в духе. Начинает хныкать, а это ей не свойственно. Мама беспокоится, мол, не заболела ли доча, однако причина вскоре выясняется.

– Хочу, чтобы у меня было много детей.

Мама ей говорит:

– Подожди, вырастешь, и будет у тебя много детей. А зачем тебе много?

– Я хочу сейчас! Хочу, чтобы они меня слушались! И чтобы игрушки за мной убирали!

И эта тема продолжила развиваться в её четырёхлетней голове. Спустя месяц заявляет маме:

– Хочу, чтобы у меня были дети. Девочка и мальчик.

И тут же вопрос:

– А дети из животика рождаются?

– Да. Ты же видела у некоторых тётей животики большие, оттуда потом деточки рождаются.

– А тёте больно, когда ребёночек рождается?

– Ну, немножко больно.

После некоторого раздумья Маша заявляет:

– Давай, ты мне родишь деточек. Ты же уже нас с Вадиком рожала и уже привыкла. Ну, хотя бы одну! Девочку!

– Так тогда это будет мой ребёночек. А ты будешь ему не мама, а сестрёнка.

Такое положение дел Машу не устраивает. Тут не только за собой, а ещё и за сестрёнкой убирать придётся. Как Вадику иногда за Машей. Поэтому вопрос пока откладывается. Надолго ли?

– Мама, смотри, бабочка возле меня летает!

– Это она с тобой здороваётся!

– А я знаю, почему она со мной здороваётся. Потому что Я КРАСИВАЯ!

Декабрь 2018 г.

БИЛЕТ ДЛЯ КОТА

Случай этот произошёл не так давно.

Я приехал на вокзал, чтобы оформить пропуск на получение багажа. Возле багажной кассы никого не было, только одна женщина оформляла документы. Она явно торопилась. Кассир, заканчивая оформлять бумаги, вернула в окошечко паспорт и ещё какую-то бумагу, которая привлекла моё внимание своей необычностью.

Женщина, заметив мой интерес, грустно улыбнулась:

– Вот, завернули при посадке в поезд. Потребовали купить билет для кота. Через пять минут отправление. Если бы заранее знала, что билет потребуется... И так пришлось больше недели документы и справки разные оформлять.

– Кот, наверное, породистый?

– Да нет, самый обыкновенный. В Москву его везу – племяннику. Болен он очень. Лежит в больнице с мамой - моей сестрой. Врачи разрешили привезти кота, только чтоб привитый был.

– А что с племянником?

– Диабет. Тяжелейшая форма. Сначала одну ножку пришлось отнять, потом вторую, а потом и ручку ампутировали. Вот он и плачет, просит кота своего привезти.

От этих простых и страшных слов у меня сжалось сердце.

К кассе подбегала проводница с поезда:

– Ну, где же вы? Сейчас отправляемся.

– Сейчас, сейчас, - заторопилась женщина, принимая от кассира билет и сдачу.

– Мальчик крещёный? И как его зовут? – только и успел спросить я.

– Андрей. Крестили его в больнице уже, в Москве – последние слова женщина говорила уже на ходу, спеша за проводницей.

По громкой связи объявили об отпадлении Московского поезда, и я вернулся к кассе.

...Прошло, наверное, полгода. О судьбе маленького хозяина кота мне ничего не известно.

На каждой Литургии вместе с отцом Иоанном, мы молимся о здравии болящего отрока Андрея.

Может быть, страшную болезнь и не удалось остановить, но мы знаем – у Бога все живы.

Январь 2013 г.

ОТЕЦ ЛЕОНИД (Благочестивый самарянин)

...Некоторый человек шёл из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шёл тою дорогою и, увидев его, прошёл мимо. Также и левит, быв на том месте, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашёл на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возлив масло и вино; и, посадив его на своего осла, привёз его в гостиницу и позаботился о нём; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нём; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Лук. 10:33

С отцом Леонидом мы познакомились на собрании устроенном по случаю обретения епархией своего владыки. Новую епархию создали года два назад, но была она вдовствующая. То есть временно управлял ею ставший митрополитом архиерей, а тут такое событие. Собрались по этому случаю все без исключения клирики. С новым владыкой отслужили Божественную Литургию и благодарственный молебен, утвердили голосованием выборные штатные единицы, ну и, конечно же, владыка пригласил всех к братской трапезе. В ходе всех этих после служебных мероприятий мы и обменялись с отцом Леонидом адресами.

Хотя возраст у отца Леонида зрелый, под пятьдесят, но если брать стаж иерейский, то младенческий. В этом мы с ним были схожи. Друг о друге поняли всё по наличию «осьмиконечных» нагрудных крестов и отсутствию камилавок, а потому сразу прониклись взаимной симпатией. А когда мне вскоре удалось оказаться в районе, где служил отец Леонид, то после всех необходимых дел заехал к нему.

Начавшаяся за ужином беседа, прервавшись на вечернюю молитву, плавно потекла дальше и закончилась далеко за полночь, благо день предстоял будний и службы с утра не предполагалось.

– Ещё лет пять назад, если бы кто мне сказал, что я стану священником, то у меня бы это вызвало, в лучшем случае приступ смеха, хотя я себя и считал уже вполне верующим человеком – начал рассказ о себе отец Леонид...

Жизненный путь его складывался по-разному. Осознанной мечты «вырасти, и стать врачом или космонавтом» никогда не было. Правда, в пятом-шестом классе грезил самолётами, но очкарикам, как известно в небо путь заказан, а зрение у него было неважное, сколько себя помнил. Старший товарищ (и даже дальний родственник) зазывал поступать в юридический институт, в котором сам учился уже на втором курсе. Даже помог взять рекомендацию у прокурора города, но с институтом с наскока не получилось. Негласно, поступить могли только отслужившие в рядах Советской Армии, поэтому перспектива стать вторым Шерлоком Холмсом отодвинулась на неопределённое время, и как оказалось впоследствии, навсегда. Кстати рекомендацию от прокуратуры давал не кто иной, как будущий министр с красивой птичьей фамилией, взлетевший из потёртого кресла прокурора заштатного райцентра на самый Олимп к ногам богини правосудия.

Так что, трудовой путь Лёньки начался с завода. Но в те времена любой труд был в почёте, а характер Леонида не позволял ему «отбивать номер», и вся его молодая и кипучая энергия уходила в работу. В армию, к прискорбию и стыду, его не взяли – зрение подкачало. Сказались и ночи напролёт с книжкой под одеялом в школьные годы, и усиленные занятия спортом, без должного присмотра кого-либо из медиков.

И вот года через полтора, в аккурат к очередной октябрьской годовщине, Лёнькина физиономия засветилась рядом с привычными и замылившими глаз фотографиями. Знающие себе цену маститые спецы, менявшиеся по кругу из года в год, на доске почёта, имеющейся в любом большом или маленьком заводском цеху, с удивлением взирали с неё на висящего рядом выскочку, ещё вчера не знавшего с какой стороны подходить к токарному станку, а сегодня вот нате – «передовик производства».

Но Ленька не особо заморачивался над подтрунивавшими в курилке мужиками, да и в курилке почти не бывал, так как не курил. Пробежит мимо, на ходу траванёт пару свежих анекдотов и дальше вкалывать. А анекдоты рассказывать мог сотнями. Память в те времена была – будь здоров. В колхозе, куда первые два лета его отправляли вместе с доброй полусотней заводских работяг, в качестве шефской помощи, бывало до глубокой ночи в огромной комнате колхозной общаги хохот до потолка. Ну а Ленька рад стараться, коль народ просит.

Правда, когда освоил пару смежных специальностей, в колхоз отправлять перестали, даже когда сам просился. В колхозе кому болтаться и без него находилось.

Потом, как перестройка началась, с такими же, как и сам, непоседами, имеющими в одном месте большую занозу, после работы то спортзал в подвале для пацанов строит, то аппараты игровые по городу устанавливает, то кафешку молодёжную по ночам и в выходные с друзьями-комсомольцами строит. Дома, правда, напряг - дочки маленькие, жене молодой тяжело одной, да и в общаге тесновато вчетвером, но ведь все так живут! Пробьёмся! Ещё немного, и жизнь наладится. Не только работали, но и отдыхали в полный рост. Иногда большими компаниями, с семьями, а чаще с устатку - чисто по-мужицки.

Тем временем шестерёнки огромной страны стали всё чаще пробуксовывать, а потом их и вообще начало клинить. И хотя к тому времени уже квартиру от завода получил, и зарабатывать стал поболее, но денег как всегда не хватало. Правда, все ещё верилось – немного, и жить станет легче и веселей.

А вскоре пошла такая веселуха! Плановая экономика рухнула, вместе с нею рухнула и страна. Завод хоть и тянул ещё какое-то время, но это была агония. Вместо веры в светлое будущее социализма, затем в демократию и в народных избранников, наступала медленно и неотвратимо тяжёлая, удушливая и беспросветная безнадёга.

Во всём.

2

Ну а дальше разное пришлось пережить. И в кооперативе поработал, и безработным побывал. И близких своих перехоронил почти всех. В этот период, когда всё что было нерушимым и сверхнадёжным, рухнуло в один миг, невольно задумаешься о смысле жизни. Тогда и веру начал обретать потихоньку.

В жизни как складывается? Есть работа маломальская - работаешь. Да ещё где подработать, смотришь. Но кардинально ничего не меняешь. Только когда уже всё – приехали - ни работы, ни денег, как жить, что делать? Тогда резко начинаешь активизироваться. Наверно инстинкты самосохранения включаются. По крайней мере, у меня тогда были такие ощущения. И когда наступал какой-то прорыв, то всё это я относил лично на свой счёт. Я смог, я сделал, я прорвался! Потом опять мордой в грязь...

Занимался одно время частным бизнесом, и вроде неплохо, но не моё это всё. Завязал, ушёл в муниципалку работать, благо звали давно. А потом познакомился поближе с батюшками с другого прихода, с мужиками некоторыми, которых вроде бы и знал давно. Но они уже другими людьми стали, совсем другими. Я на них смотрел, и мне хотелось тоже быть таким – не фанатиком религиозным, ни лицемером, а просто жить по совести, спокойно и уверенно. Однако на это много времени ушло. Здесь так просто не расскажешь.

Одно только мне потом самому интересно стало. Раньше себя понуждал по воскресеньям в храм ходить, хотя бы через неделю, а потом если вдруг не удалось на службу попасть – командировка там или ещё что, то ощущение такое, будто грязный ходишь, пропотевший и вонючий. В храме службу простоял, (какой там с меня молитвенник был), вышел – чистый весь. А если исповедовался, то душа хрустит, как тело после бани! Если бы был поэтом, я бы и не так выразился.

И вот, пребывая в таком душевно равновесии какое-то время – года два-три. С прихожанами общаюсь, с батюшками. Где чего помочь по приходу – пожалуйста. Но у самого мысли: вот кто-то из наших храм помогает новый достраивать, кто-то по святым местам ездит, кто деньгами приходу помогает, кто детям что устраивает, а я все какой-то «теплохладный». Тут как-то звонок мне от благочинного:

– Леонид Егорович, вы ведь у нас одним браком венчались?

А мы с женой как раз год назад повенчались.

– Ну да, говорю, у нас с женой как раз серебряный юбилей был.

На этом наш разговор с батюшкой закончился, но мне этот вопрос не очень понравился, как в том анекдоте – «Штирлиц насторожился».

А потом как-то после целования креста в конце службы: «А Вас я попрошу остаться». Предлагает серьёзно задуматься над дальнейшей жизнью. У меня в ответ буря эмоций:

– Да, Вы батюшка, на меня-то посмотрите, какой из меня святой отец.

А он мне:

– Святые отцы у католиков, а мы тут все грешники, в том числе и батюшки. В общем, подумай, не торопись, а пока на службах будешь в алтаре помогать, заодно службу изнутри увидишь.

Смешно теперь вспоминать, насколько тогда знания поверхностны были, да и сейчас образования семинарского не хватает. Прошло месяца два, настоятель меня к чтению часов благословляет, а в дальнейшем Апостол читать. Мне тут уж самому интересно стало. Правда, с произношением и ударением долго не ладилось. Однажды, прямо перед Литургией, настоятель, он же и благочинный, говорит второму священнику:

– А что это у нас Леонид Егорыч как-то непрезентабельно выглядит. Давайте мы ему облачение освятим. Вынесли стихарь, вместе с поручами и орарем, (у них видно комплект диаконского облачения новый был заготовлен) пред вратами освятили, а я думаю:

– Ну, Лёнька, ты попал! Сейчас произведут тебя в диаконы! Вроде слышал, что рукополагать должен епископ, а ну как теперь и игумен может? Заносят облачение, подают, говорят:

– Благословляй и облачайся.

Я на орарь с поручами показываю:

– И это тоже?

Смотрю, смеются, мол, это пусть пока в ризнице полежит. Ну, тогда отлегло немного.

При свете лампадки было видно, как лежащий на соседней кровати отец Леонид улыбается, вспоминая свои волнения. Матушка давным-давно спала в соседней комнате, а мы с отцом Леонидом расположились на ночь в комнате выросших, и обретших свои семьи детей.

– Теперь только в гости изредка приезжают. После учёбы остались в областном центре. Там и с работой проще, да и с жильём, если работа хорошая, в ипотеку квартиру

можно взять без проблем. Я чаще теперь у них бываю, чем они в родительском доме. Помогать приходится, конечно, как без этого.

3

В жизни каждого человека часто происходят события, на первый взгляд случайные. Человек верующий, конечно же, понимает, что случайностей в жизни не бывает. Во всём есть промысел Божий. Но иногда случаются такие вещи, которые любой скептик ну никак не может объяснить как совпадения... Об одной такой истории с ним произошедшей и поведал мне в тот раз отец Леонид. Но вначале он рассказал мне о своих ощущениях от первых служений на Литургии, после рукоположения его в иереи.

– Буквально на первой же Литургии я почувствовал некоторую боль в сердце. Не острую, но прямо ощущал сердце физически. Как оно шевелиться, как бы слегка пузырится и подступает вверх. Что самое удивительное, это не было в самый пик евхаристического канона, когда призывается Святой Дух, а чуть раньше, когда весь храм поёт Символ Веры, а у священников в руках воздѹх над Святыми Дарами. И так было всякий раз, независимо, служил ли сам, или сослужил настоятелю. Постепенно острота этих ощущений стала угасать. И иногда уже ничего не чувствовал.

Я и сам слышал и даже читал о том, что мне говорил отец Леонид. Только что рукоположенный священник получает, часто физически ощущаемую благодать. Что-то похожее испытывал и сам.

– Как то по делам поехал я в столицу соседнего региона, – продолжил отец Леонид, – до него ближе, чем до нашего областного центра, да и город миллионник. Всё что необходимо по делам службы и работы, там закупаем. Когда надо и в епархиальный склад заезжаем за свечами, книгами богослужебными, иконками да мало ли ещё зачем.

Назад рассчитывал вернуться к выходным, чтобы можно было послужить всенощную и Литургию. На Литургии мой черѹд готовить проповедь. Тема интересная, но всем мало-мальски церковным людям знакомая. О благочестивом самарянине. Трудно что-либо новое рассказать, так, что бы интересно и захватывающе. Ну, вот дорѹгой и подготавливаю, поразмышляю.

В тот раз я быстро на базе затоварился, заскочил на склад, думал на облачение потратиться. Смотрю, передо мной батюшка последний комплект забирает. Ладно, думаю, тогда заеду на выходе из города в магазин туристического и охотничьего снаряжения. Год назад купил там себе комплект термобелья. Тоненькое, но тепло в нём и удобно в морозы. Ещё носков две пары тоже «термо» в прошлом году купил, так других и не надевал всю зиму, только попеременно эти. Однако после такой усиленной нѹски, они стали уже просвечивать. Надо замену приобретать. Но и в магазин не удалось попасть, пришлось объезжать несколько кварталов, так как участок этот перекрыли – что-то там прорвало, и шли срочные работы.

На выходе из города я всегда заезжал в кафе для транзитников. Кормят быстро и вкусно, особенно в пост удобно. Везде одно мясо, а здесь выбор блюд весьма разнообразен. Но в этот раз решил проехать дальше. Километров за пятьдесят от города таверна придорожная, в ней всегда отменные и по вкусу и по объёму шашлыки. Думаю, сам поем и матушке привезу. Рядом и заправка с относительно недорогой соляжкой.

Еду. Только за город выскочил, набрал скорость, «голосует» мужчина какой-то. Я всегда останавливаю, когда есть куда посадить, да и зима, хотя мороза сильного нет, но началась «дуйка». А здесь и притормаживать не стал – скоро сворачивать, поесть, заправится и т.д. Так что руками развёл, извини мол, и дальше по газам.

Доехал до кафешки, шашлычок один приговорил, другой с собой упаковали, ещё самсу взял, думаю, «пилить» ещё часов пять - съем дорóгой. И попить бутылку литровую морсу взял. Заправил грузовичок под завязку и дальше.

Проезжаю ещё километров пятьдесят, снова попутчик попадает. Тут уж я притормозил. Подбегает, в руках сумка средних размеров. Ну, залазь, говорю, сумку за сиденье, как зовут, куда путь держим. Говорит что в Якутию. От Нерюнгри ещё сколько-то километров, а дальше на вертолётах их забрасывают на вахту. И вертолёты вылетают через три дня. Опоздаешь, можно ехать назад. А это в Краснодарский край.

Поведал мне Руслан – так его звали, историю вполне обыкновенную. Ехал из дома на вахту на полгода, уже не в первый раз. В поезде познакомился с замечательными попутчиками. Знакомство обмыли, потом добавили. Потом очухался в РОВД самого крупного сибирского города. Одной сумки с наиболее ценными вещами нет, денег тоже нет. Зато остались документы и сумка с одеждой и сотовый телефон старенький. В билете отметка, что «снят с поезда за нарушение режима», проще говоря, за пьянку. Кто вещи и деньги прибрал – проводники, попутчики или милиционеры, не так уже и важно. Важно как вовремя к месту добраться. Сначала сутки болтался на вокзале, пытался уехать как-нибудь. Потом понял, что ещё немного, то и последнее отнимут, и застрять можно надолго. Ошивалось вокруг вокзала народа всякого немеряно. Выбрался кое-как из города, и стал добираться на попутках...

4

Когда-то, в далёкие советские времена, проезжать мимо просящего подвезти, было не принято. Но в сегодняшней стране, где человек друг другу – волк, можно на дороге замёрзнуть, можно стать ограбленным и даже убитым. Ко мне он попал через трое суток, после того, как его сняли с поезда...

И тут он говорит:

– Я Вашу машинку уже видел, примерно часа полтора назад. И марка машины, и регион, и то, что слегка грязная, точно, я Вас уже видел!

Я ему отвечаю, мол, да, видел я на выходе из города голосовавшего, но останавливаться не стал, так как собирался вскоре свернуть в сторону. Но как тогда ты

впереди меня оказался? Оказывается, подобрали едушие на дачу добрые люди, а на свороте с трассы снова пришлось стоять. Подивились с ним такому совпадению, едем дальше. Он мне про свои злоключения рассказывает. Достают я морсик попить. Пью прямо из горлышка, на ходу стакан доставать не будешь. Предлагаю ему – пей, коли не брезгуешь. Смотрю, пьет жадно. Потом оторвался, говорит:

– У меня в сумке кофе в пакетиках и чай есть и кружка тоже. Попросил в кафешке кипятку, мол, налейте, у меня заварка своя – не дали. Иди, говорят отсюда, нефиг отираться.

Спрашиваю:

– Ел когда последний раз? Говорит, что дня два назад. Ну, думаю, матушка меня простит. Достают шашлык и самсу, отдаю – ешь, давай, а сам думаю – если бы пообедал там, где обычно – с собою ничего бы в дорогу не взял – это точно.

У попутчика от еды глаза слегка посоловели, как будто водки стакан принял. Говорит:

– Это ж надо, за два дня никто воды не дал, а тут шашлыком накормили!».

– Это ещё что, - отвечаю, – знаешь ли ты, что тебя поп везёт?

– Нет, - говорит – ты не поп, ты батюшка. Попов я в своей жизни видел часто, а батюшек очень редко. У одного батюшки жил два года, когда подростком из детдома убежал. Он меня и окрестил Рустиком. Я тогда ему помогал храм строить. Бетон помогал месить, вручную фундамент заливали. Потом, всё-таки, потянуло на волю. Вскоре сел за кражу по малолетке. Дали полтора года. Но, потом дал себе слово, что больше косячить не буду. Женился тоже на детдомовской. Сын растёт, осенью в школу. А я чтобы семью нормально содержать в основном работаю по вахтам. Всю Сибирь и Дальний Восток объездил. Был на Чукотке, и на Курилах и в Забайкалье. Сейчас второй год в Якутии. Полгода вахта, полгода дома вкалываешь. Дом свой, работы всегда навалом. А тут этот залёт пьяный случился... Столько лет и сил тратишь, что бы жить по-людски, а зараз можно все под откос пустить.

Я ему говорю:

– Ладно, Руслан, я тебя исповедовать в этот раз не буду. Но при случае, в храм тебе обязательно надо. Господь тебе специально попустил случиться такому. Это тебе знак. Он же тебе и помощь послал. А меня, неразумного, дважды к тебе направил. Наверное, тоже неспроста.

А про себя решил, что неслучайно я все деньги не потратил. И если уж быть благочестивым самарянином, то нужно быть им до конца. И как только решение это во мне утвердилось, вдруг начало слегка ныть сердце. И как бы пухнуть и к горлу подступать. Точно как первый раз на Литургии, когда стоял у престола и в руках воздúх, а в храме все поют Символ Веры. И от этого чувства не страх уже, а радость. Оттого, что понял Волю Божию, и получил в ответ этому подтверждение...

Потом в пути, ещё случай был. На широкой в этом месте трассе, не разъехались огромная фура, шедшая в нашем направлении и встречный, не менее огромный самосвал. Фура, пробив ограждение, ушла целиком с насыпи, а пятиосный самосвал с разбитой кабиной развернуло поперёк дороги, и он её всю собою перекрыл. Остался лишь маленький просвет, в который просачивались легковые машины. Удалось просочиться и нам. Остальных машин скопились на пару километров. Когда проезжали мимо, Руслан узнал фуру. По его словам, он просился в неё, но водитель не взял...

К вокзалу подъехали уже к ночи, часов в одиннадцать. Руслану я сказал, что самый лучший вариант, это сесть здесь на поезд, идущий на север. Прошли к кассам, узнали о наличии билетов и поездов. Поезд до Нерюнгри шёл утром, а прибывал туда ровно за сутки до нужного срока. Как раз у Руслана в этот день должен был случиться день рождения. Тридцатый в его жизни. Билет на данный поезд в наличии был, конечно же, один, и денег оставшихся у меня на билет хватило, ещё и на дорогу с собой рублей пятьсот...

Отец Леонид закончил рассказ и с хрустом потянулся.

– Ну и как ты думаешь, вернёт он тебе эти деньги? – спросил я, хотя и знал заранее ответ.

– Телефонный номер я ему свой дал, а деньги... Разве в деньгах дело? Кстати, на следующий день мне вернули сумму в несколько раз большую, ту которую я уже и не рассчитывал когда-либо получить.

Февраль 2014 г.

НЕСКОЛЬКО БУДНИХ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ ОТЦА ЛЕОНИДА

1

Любой священник вам скажет, что самое лучшее дело – это предстоять у престола. Особенно, если ты служишь Божественную Литургию. Но Литургию в наше время служат не каждый день, а в основном в воскресные и праздничные дни. А в прочие хватает других дел: молебны, да по храмовому хозяйству дела, различные требы, службы предстоящие надо посмотреть, и при необходимости, подготовить, составлением разных отчётов в епархию позаниматься (а как же без этого), и много ещё чего. Да и личные и семейные дела никто не отменял.

Поэтому предстоящий понедельник отец Леонид решил начать без раскочки. Накануне позвонили из домовой часовни, расположенной в здании районной больницы. Одна из послушниц, дозвонившись до батюшки, передала трубку женщине. Та просила окрестить своего пожилого брата, который находился в больнице в тяжёлом состоянии, как в физическом (после ампутации обеих ног), так и в ещё более подавленном моральном. Договорились с медперсоналом, чтобы больного с утра ничем не накормили. Потому с утра пораньше отец Леонид заехал в храм, и с запасными Дарами, в красной бархатной дароносице на груди, – прямиком в больницу.

В холле больницы его уже ждала звонившая накануне Людмила (так звали сестру больного). Поднялись наверх, предварительно надев халаты и бахилы – отец Леонид свои, а Людмила больничные. В двухместной палате кроме брата Людмилы ещё один больной с сильно распухшей ниже колена ногой. Лицо его отцу Леониду было знакомо. Так бывает часто в небольших городках – есть запоминающиеся лица. Хотя и не пересекались по каким-то ни было делам, а все равно вроде как знакомы.

Поздоровавшись и облачившись в епитрахиль и поручи, отец Леонид разложил на тумбочке всё необходимое для крещения, зажёл свечку перед иконкой и приступил к исповедальной беседе с больным. Беседой это назвать можно было условно, так как больной говорил с трудом, в основном отвечая да или нет, но желание принять крещение было явным. После наречения имени и чина оглашения, отец Леонид освятил воду, налитую в небольшую хрустальную вазу, реквизированную им года полтора назад из кухонного инвентаря матушки, для совершения вот таких экстренных крещений. Ваза нашла себе удобное место в углу объёмистого трюбного чемодана батюшки, а её пропажи, дома, кажется, до сих пор не обнаружили.

Далее шло помазание новопросвещаемого елеем.

– Помазётся раб Божий Виктор елеем радования, во имя Отца и Сына и Святого Духа, – отец Леонид кисточкой начертил крест на лбу крещаемого.

– Во исцеление души и тела, – помазал грудь, и как смог затылок больного.

– В слышание веры – уши.

– Рўце Твои сотвори́сте мя и созда́сте мя, – нанёс кресты на ладони.

– Во еже ходите ему по стопам заповедей Твоих.

Здесь вышла небольшая заминка. Сестре пришлось отойти, отец Леонид отогнул край одеяла, прикрывающего нижнюю часть обнажённого тела Виктора. Вместо ступней пришлось помазать культы отнятых выше колен ног.

– Крещается раб Божий Виктор. Во Имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь, – отец Леонид возлил на голову Виктора три пригоршни освящённой воды из вазы.

– Облачается раб Божий Виктор в ризу правды, – отец Леонид приложил к губам больного нательный крестик и одел его на шею Виктора.

Сразу же за этим совершил таинство Миропомазания.

– Печать Дара Духа Святаго, - трижды возгласил отец Леонид, помазывая Святым миром¹ необходимые части тела, в том числе и культы ног.

Зажгли ещё одну свечу и вложили в скрюченную от болезни руку Виктора.

– Елицы во Христа крестістесе, во Христа облекостесе, алиллѹия, - трижды пропел тропарь отец Леонид.

Вообще-то по чину, новокрещённые в это время с горящими свечами вслед за священником обходят трижды вокруг купели, но это если в храме, и если ноги есть...

Далее шло омовение, оставшейся в чаше водой, помазанных миром мест и пострижение волос.

После заключительных молитв, отец Леонид принялся собирать разложенные для крещения вещи, сложил их в чемодан, а затем приготовил всё необходимое для причастия.

– Приобщается раб Божий новопросвещённый Виктор, Пресвятаго и Пречистого Тела и Крѹве Господа Иисуса Христа, во оставление грехов его и в жизнь вечную, аминь, - отец Леонид поднёс к губам Виктора миниатюрную, похожую на игрушечную ложечку с частичкой Даров. Дав запить из чаши святой воды, и сложив всё в дароносицу, батюшка протянул Людмиле молитвослов и попросил прочесть вслух благодарственные молитвы «по Святѣм причащении».

Всё время, пока совершалось крещение, знакомец (так про себя назвал отец Леонид соседа Виктора по палате), с интересом наблюдал за происходящим, осенял себя крестным знаменем в положенных местах, и даже потихоньку пытался читать Символ Веры вместе со священником.

– Ну а Вас как величать? – спросил его батюшка.

– Иваном.

– Вижу, что Вы крещёный, а крестик почему не носите?

– Да вот, дома остался.

Священник достал из требного чемодана крестик, продел сквозь ушко верёвочный гайтан и через голову одел на Ивана.

– Облачается раб Божий Иоанн в ризу правды. Носи и никогда не снимай.

– А зачем крестик на себе нужно носить всегда?

– А вот затем, – рассказывал отец Леонид, собирая разложенные вещи в чемодан. – Во времена пребывания на земле Господа нашего – Иисуса Христа существовал рабовладельческий строй. Каждый раб на шее носил ошейник, чаще всего кожаный, на котором была табличка с именем его господина. Если не было ошейника, то его заменяло клеймо или татуировка. Раба, совершившего какой либо проступок,

---

¹ миро - (ст.-слав. мѹро и от др.-греч. μѹρον «ароматное масло») - в христианстве специально приготовленное и освящённое ароматическое масло, используемое в Таинстве Миропомазания для помазания тела человека.

преступление или побег, ловили и доставляли владельцу. Сами они не имели права наказывать чужого раба. Господин раба возмещал потерпевшим ущерб или оплачивал, в случае поимки беглого, вознаграждение, и мог наказывать раба как угодно, но только сам: предать казни, отправить на галеры или рудники, продать или отпустить – всё это во власти господина.

– Мы, – отец Леонид взял в ладонь висевший на нём священнический крест, так, чтобы Ивану было видно изображение распятого Христа, – есть рабы Его. И никто, кроме нашего Господина не может нас наказывать. А тот, кто не носит на себе крест, как бы отрекается от своего Господина. Для сатаны и его слуг такой человек свободен, ничей. Поэтому, крест на шее крещённого человека, это не украшение, которое можно иногда поносить, а когда надоест, снять. Это символ принадлежности человека Христу, в которого он крестился. А вообще о человеке можно смело предполагать, чей он есть раб, по тому, что он на себе носит или изображает. Понаблюдайте сами на досуге, и убедитесь.

Поздравив Виктора с принятием Таинств, и благословив его и Ивана, батюшка в сопровождении Людмилы поспешил вниз, и зашёл в часовню переоблачиться.

До обеда было ещё время на один отложенный визит.

2

К Марии батюшка обещал заехать при случае ещё в прошлый четверг. Такой случай по времени и месту совпал. Жила она метрах в ста от больницы, и обратилась во время молебна, который по четвергам служился в больничной часовне. До часовни дойти ещё могла, а на службу в храм, в соседний городок, где служил отец Леонид, ей было попасть весьма затруднительно. Да и дело заключалось не только в том, чтобы побывать на службе, а в исповеди, которой не было много лет. Сделав предупредительный звонок по мобильному, отец Леонид набрал записанный на листочке номер квартиры на домофоне и, пройдя в открывшуюся дверь подъезда, поднялся на второй этаж. Дверь в квартиру была уже приоткрыта.

Мария, не смотря на солидный возраст и на то, что передвигаться могла с трудом и только при помощи палочки, сохранила в себе следы былой солидности. Этаким образцом бывшей чиновницы, знающего себе цену, хотя и находящейся не удел, но сохранившей в непростой современной жизни чувство достоинства. Это чувствовалось по осанке, спокойной манере обращения и в правильно поставленной речи. В беседе предшествовавшей исповеди, это подтвердилось.

– Двадцать лет мы прожили с мужем в Ташкенте. Его перевели в середине 70-х для усиления руководства предприятия, заместителем директора ремонтно-механического завода. А мне предоставили должность на уровне замминистра республики. За первые несколько месяцев работы на новом месте, я выучила узбекский язык, хотя ко мне приставили персонального переводчика. Надо сказать, что специфика работы требовала не только знания языка, но разных его нюансов. Сам Каримов уважительно отзывался о моей работе. Жили замечательно, и трудились в поте лица. Руководителем я была

жестким и требовательным. Себя не жалела и подчинённым спуску не давала. Зато и результаты были. А уж почёт и уважение, и даже подобострастие, в среднеазиатской республике к вышестоящему начальству были в те времена как должное.

Всё вдруг поменялось в конце перестройки. В почтовых ящиках начали обнаруживать записки: «Русские, убирайтесь домой». А когда Союз развалился, жить стало невмоготу. Хотя в руководстве республики отношение ко мне сохранилось хорошее, даже подчёркнуто хорошее. Каримов, при встрече нахваливал и говорил: «Марию Васильевну никуда не отпустим. Её светлая голова нам очень нужна». Ну и когда мы с мужем решили уехать на родину, то эти слова исполняться стали буквально. В руководстве республики уже не осталось к тому времени никого из наших друзей. Все русские и не узбеки разъехались. Нам, ещё в начале всех этих передряг начальник железной дороги, бывший на уровне министра республики, советовал уезжать, обещал даже вагон под вещи выделить. Но пока мы раздумывали, его уже перевели в Россию.

В то время, в 93-м году я приняла крещение в православном храме. Муж у меня крещён был в детстве на Украине. И меня в этом решении очень поддержал. Веру открыто исповедовать, при моей должности было подобно самоубийству. Поэтому крещение происходило тайно. Но теперь я всё равно считаю сокрытие веры своим тяжким грехом и хочу в этом покаяться.

В общем, уезжать, а точнее бежать, пришлось, бросив всё: министерскую квартиру, дачу и всю обстановку...

Мария промокнула кончиком платка уголки глаз.

Отец Леонид раскрыл требник, и зажгёт свечу перед переносной складной иконкой Спасителя. Положенные пред исповедью молитвы, которые читал священник, Мария слушала стоя, хотя это ей далось с трудом.

После исповеди, священник накрыл голову Марии епитрахилью.

– Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Мария, вся прегрешения твоя, – читал отец Леонид разрешительную молитву, чувствуя, как сотрясаются под епитрахилью плечи исповедницы, – И аз, недостойный иерей, властью Его мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

После исповеди и причастия пили чай из старого ещё советского сервиза. Хозяйка рассказывала священнику о знакомстве и долгой совместной жизни с покойным ныне мужем.

– Завтра будет сорок дней со дня смерти. Поминки я заказала в кафе, для самых близких, в основном подруг по работе, ещё тех, которые до моего отъезда были в моём подчинении. Теперь и они на пенсии. Близких родных нет, только троюродные племянницы. Детей нам Бог не дал. Вначале переживали по этому поводу сильно, а потом свыклись.

– А я ведь мужа и не любила совсем, замуж вышла назло другому – любимому, который меня предал. Меня так родители воспитали, что девушка должна быть гордой.

Вот я из гордости и согласилась, причём сразу, когда мне Виктор предложил. Он меня давно любил, но я до этого внимания на него не обращала. Трудно было с нелюбимым, но он очень внимателен и тактичен был. Только спустя годы я поняла, какой у меня замечательный муж. А потом я его так полюбила! Так ему благодарна была за всё! А у бывшего моего любимого жизнь как-то не сложилась. Стал выпивать, скандалить, потом куда-то переехал. Я им и не интересовалась, из гордости, наверное. В общем, Бог мне послал моего мужа, я это только потом разглядела. Прожили мы с ним душа в душу почти пятьдесят лет. Вот сейчас поминки отведу, памятник к сороковинам установили, теперь и мне можно собираться к нему...

3

Во время обеда у отца Леонида загудел мобильник. Звонила женщина. Путано объяснила, что её подруга, мать двоих малых детей, отравилась уксусом после того, как муж ушёл к любовнице, бросив её. Сейчас в реанимации врачи за её жизнь борются. Сегодня уже третий день, врачи говорят, что наступил кризис, батюшка помогите чем-нибудь.

– Подруга крещёная? В сознании? Имя? В какой больнице? – вопросы сыпались из отца Леонида один за другим. – Ждите в больнице, буду через полчаса.

В реанимации священник попросил вызвать дежурного врача-реаниматолога.

– Не знаю, не знаю. А вдруг она напугается, что пришёл священник. Подумает, что уже всё. В её положении любое волнение может иметь решающую роль, – врач колебался.

– А вы ей скажите, что тут как раз батюшка в соседней палате, и если она хочет, то он может зайти и помолиться о ней.

Немного поразмыслив, врач зашёл в палату реанимации, и через пару минут вышел, качнул головой в сторону дверей – можно.

В палате реанимации на одной из трёх кроватей, отделённых друг от друга лёгкими ширмами лежала среднего возраста женщина. Лицо жёлто-серого цвета с запёкшимися губами. Во рту и в нос продеты трубочки, в которых видно было какую-то, ядовито-оранжевую жидкость. Рядом с кроватью капельница, подключенная к катетеру, вставленному в вену. Вид жутковатый, но отец Леонид и виду не подал. Приветливо улыбнулся, подошёл и легонько погладил больную по голове.

– Как же это ты надумала такое? Ничего, ничего. Сейчас мы помолимся. И у Господа прощения попросим. Хорошо? – священник достал требник, раскрыл необходимое место. – Ты когда-нибудь исповедовалась?

Больная отрицательно качнула головой. Прошептала чуть слышно, одними губами:

– Я говорить не могу. И не знаю как.

– А я тебя буду потихоньку спрашивать, а ты кивай или глазами показывай: да или нет. Ну а что сможешь, то шёпотом потихоньку. Понимаешь ли, что то, что ты совершила, есть самый большой грех?

Наталья – так звали больную, чуть заметно кивнула, из глаз её покатались слезинки...

Спустя четверть часа священник чуть прикрыл голову Наталии епитрахилью и прочитал разрешительную молитву.

– То, что ты сейчас покаялась, очень важно. Даже если поправиться не случится. Но будем надеяться, что Господь даст тебе время жизнь свою переменить. Когда немного станет легче, то я тебя ещё навещу. Подруга твоя мне сообщит, когда будет можно.

Отец Леонид попрощался с больной, стараясь как можно более, подбодрить её своими словами и видом, но сам сильно сомневался в том, что Наталья протянет хотя бы ещё несколько дней. Однако есть Воля Божия, и только на Неё и оставалось в этом случае уповать.

4

Солнце стояло ещё высоко, когда отец Леонид добрался до своего огорода в деревне, благо от города всего километров 15, по более-менее сохранившемуся асфальту. Огород был большим и поделённым вдоль на три части. Одну из них занимал участок священника – огороженный штакетником, так называемый в народе, огородчик, на котором расположились грядки и ягодные кустарники, и прилегающие к нему посадки картофеля – всего примерно соток десять. Вторую часть занимал участок шурина – брата матушки, а третью тот сдавал под посадку какому-то своему знакомому по работе.

Картошка у отца Леонида была уже выкопана и перевезена в погреб, оставалось убрать морковку со свёклой, капусту и ещё кое-что по мелочи. У шурика тоже всё убрано и прибрано в огороде, одни кочаны капусты торчат, а вот на третьем участке выкопана только небольшая часть.

Обрезая ботву у морковки, отец Леонид услышал оживлённые голоса, взрослых и детей. Это приехал копать картошку сослуживец шурина, фамилию которого батюшка никак не мог вспомнить. С ним были помощники – две женщины, пожилой мужчина и двое детей – девочка лет пяти и мальчик не старше трёх лет. Поприветствовав издали священника, взрослые дружно взялись за работу, а малыши копошились вокруг них. За детьми присматривала в основном одна из женщин, вокруг неё они и крутились. Мужики, подкапывали картошку, выдирали ботву, высыпали картошку в мешки, а женщины копали. Минут через двадцать объявили перекур. Мужчины чинно уселись на мешки с картошкой и закурили, а женщины присев на ведра о чём-то переговаривались, пили воду из бутылки и подсмеивались о чём-то над мужиками.

Младший карапуз вдруг раскапризничался, полноватая женщина, присматривавшая за ним, повела его к машине, стоявшей у ворот, поглаживая его по

голове и говоря что-то утешительное. Старшая девчонка увязалась было за ними, но потом подошла к заборчику из штакетника и стала наблюдать за отцом Леонидом, который складывал урожай морковки и свёклы по мешкам. Ей явно хотелось познакомиться.

– А ну-ка держи морковку. Отец Леонид выбрал морковку покрасивей, поскоблил кожуру ножом и протянул девочке. – Братика мамка, наверное, поспать укладывает?

– Она нам не мамка. Это тётя Лена, она с нами живёт.

В голове у отца Леонида как будто что-то щёлкнуло. И кличка мужика вспомнилась: Ворон! Фамилия умирающей, отравившейся уксусом Натальи – Воронова. И то, как она, задыхаясь, шептала на исповеди, что не вынесла, что муж ушёл к другой, и детей от неё забрал. А забрал он детей потому, что стала Наталья выпивать... Пазл сложился! Вот здесь сейчас её муж, дети и тётя Лена, заботливо ухаживающая за малышами. А в больнице в это время умирает их мать, что-то упустившая в жизни, растерявшая, а затем решившая с этой жизнью покончить. Удивило отца Леонида не то, что все концы эти сложились вместе, а то, как быстро это произошло.

– Господи! И зачем мне все это знать?

Во вторник утром позвонил Петрович, по воскресным дням помогавший в алтаре, товарищ отца Леонида, ещё по давней работе на заводе:

– Благослови, отче! Можно тебя попросить об одном деле. Знакомый один мой лежит в больнице. Очень хороший человек, крещёный, но в церковь всё как-то не собрался. А тут нога у него разбарабанила, говорят рожа. Ему тут всё навяливают бабку найти, чтобы заговорила, а я хотел, чтоб ты с ним поговорил...

– А знакомого твоего случаем не Иваном зовут?

– Иваном. А ты откуда, отче знаешь?

– Ну, я много чего знаю, – напустил на себя важности отец Леонид. – Да не ломай ты голову – в больнице я его и встретил. Познакомились, поговорили немного. Надеюсь, поправится и в храм придёт.

– Вот ведь бывают в жизни совпадения!

– Э брат, совпадения эти весьма не случайны. И болезни, которые Господь попускает нам, тоже, если разобраться, неспроста. И шанс Он нам даёт на исправление, когда исцеляет...

5

Спустя ещё два дня, забежав в больницу, отец Леонид решил узнать, как там обстоят дела с Натальей. Честно говоря, на хорошие новости не надеялся. Тем более был удивлён, когда на медицинском посту ему сказали, что её перевели вчера в другое отделение в общую палату, так как опасности для жизни уже нет.

Узнав, куда перевели несостоявшуюся самоубийцу, отец Леонид решил её навестить. В старом здании терапевтического отделения, куда перевели больную, отца Леонида тоже знали, хотя он бывал здесь изредка, в основном по большим праздникам «совершая набеги», как он выражался, с гостинцами от прихожан – куличами и яйцами на Пасху, мандаринами и яблоками на Рождество. А то и просто с бумажными иконками и чашей Святой воды, покропить больных. Уж очень от этих набегов настроение у больных поднималось, да и у медперсонала тоже.

Заглянув в палату, отец Леонид сразу даже и не признал в лежащей на койке женщине, ту – умирающую три дня назад. Никаких трубок, подушки высоко подложены под головой, на прикроватной тумбочке сок в бутылке, и даже тарелка с жиденьким бульоном. Сама Наталья скромно улыбалась отцу Леониду, и даже совершила попытку приподняться, священник едва её успел остановить.

– Ну, что, исповедоваться ещё будем?

Наталья слегка кивнула...

Спустя полчаса отец Леонид, удивлённый новостью от Натальи, вышел из больницы на свежий воздух. Всегда, когда выходишь на улицу из таких заведений как больница, психоневрологический интернат или тюрьма, хочется поглубже вдохнуть воздуха. Постоять немного, посмотреть вокруг. Какая бы не была в это время погода – она казалась прекрасной. В такие минуты отчётливо чувствуешь, красоту окружающего мира. И то, каким богатством ты обладаешь: ходишь своими ногами, относительно здоров, и главное – свободен. Хотя тоже относительно.

Ещё отец Леонид, как-то по-детски удивлялся тому, как люди могут находиться в таких заведениях постоянно. Ладно, если не по своей воле. А взять, к примеру, врачей или медсестёр, или нянечек. Каждую смену видеть и чувствовать чужую боль, просто находиться внутри этой боли и дышать *этим воздухом*, густо пропитанным безысходностью, отчаянием и смертью. Потому всегда благословляя, медработников, просил у Господа для них любви, терпения и мирного состояния души.

Новость, которая удивила священника, была такова: к Наталье вчера приходил её муж. Сидел возле неё, просил прощения и обещал вернуться. Та ему рассказала об исповеди и о том, что не будет больше пить, и тоже просила у него прощения.

Решили, что как только Наталья выпишется из больницы, то вместе придут в храм на службу. И что муж с батюшкой встретится и поговорит. Номер своего телефона отец Леонид написал на задней странице молитвослова, который оставил в подарок Натальи.

6

Прошло ещё ни много ни мало времени. Воскресные службы перемежались с буднями. У священника появлялись новые знакомые. Кто-то крестил детей, кто-то приглашал освятить квартиру. Регулярно служил батюшка и в больницах. Изредка

бывало, что из новых знакомых, кто-то становился ему близок. Начиная ходить в храм, часто беседовал со священником, исповедовался и причащался. На церковном языке это называется воцерковление.

Но Наталью отец Леонид больше не встречал, и в храм она так и не пришла. Пару раз случайно встретился «знакомец» Иван, который поправился, и как оказалось жил на соседней улице. Тот при встрече немного смутился, мол, всё никак выбраться в церковь не могу.

«Может и придёт, – думал отец Леонид, – но, скорее всего, когда ещё раз «петух клюнет». Бог, Он подождёт. Он долготерпелив. А мы?..»

январь 2016г. – июнь 2017г.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Понедельник. Городское кладбище

Возле свежих могил, покрытых обильно пихтовыми лапами, земля была мокрая после недавнего дождя. Сладковато-приторный запах прелой пихты стелился по кладбищу, смешиваясь с другими запахами молодого леса. Небольшие ещё сосенки росли вперемешку с такими же молодыми берёзками, а в оградках повсюду кусты черёмухи и сирени.

Вдоль дороги трава была высокая и густая, кое-где её выкашивали для коз и кроликов жители близлежащих домов.

Кладбище было не старым (хоронить на нём начали лет около тридцати назад) и занимало три больших прямоугольных участка, ограниченных противопожарным рвом, отделившим кладбище от леса. С противоположной стороны от линии ЛЭП погост оканчивался огородами, которые спускались отлого к ручью. Левая сторона кладбища, где располагался дом смотрителя, была круто обрезана железнодорожной веткой, которая уходила сначала вправо, а затем влево, вдоль речушки Тайшетка. Затем пересекала её и прямо устремлялась вдаль, к Саянам.

Строительство «трассы мужества» было только-только закончено, сквозные поезда ещё не ходили, но Абаканка, как её прозвали местные жители, уже оживала, то в одну, то в другую сторону, скрипя колёсными парами на поворотах, шли рабочие составы.

Звуки железной дороги разрезали тихую идиллию кладбища – пение птиц, ленивое мычание коров, щиплющих на лугу сочную траву.

По дороге, ведущей от переезда к кладбищу, протрещал мотоцикл. Подпрыгивая вместе с седоками на ухабах, он уверенно форсировал большую, во всю дорогу лужу, и покатил дальше к дому. На «ковровце» двое мужчин: за рулём худощавый, лет тридцати, в кепке и с папироской во рту, за ним плотный коренастый, в зимней кирзовой ушанке, завязанной шнурком не вверху, а на затылке. В руке у коренастого связанные между собой за черенки две лопаты – штыковая и совковая. Свободной рукой держась за водителя, он что-то кричал тому на ухо, пересиливая шум мотора. Проскочили мостик через ручей, и лихо подкатили к домику. Водитель газанул напоследок от души, и заглушил двигатель.

Из дома с любопытством выскочил чумазый парнишка лет шести, босиком, несмотря на холодную, после дождя землю, прошлёпал к мотоциклу, с интересом его разглядывая.

– Митрич дома? – спросил коренастый у пацанёнка.

– Не-а. Могилу копает. Там, – мальчишка показал на край кладбища.

Водитель, по прежнему не вынимая сигарку изо рта, ударил пару раз ногой по рычагу акселератора, мотоцикл затарахтел и мужики покатали в указанном направлении.

Двумя днями ранее. Суббота. Станция БАМ в Тайшете*

Тепловоз пыхтел, медленно втягивая состав в горловину станции. Наконец показался обшитый тёсом приземистый одноэтажный вокзал и другие дощатые строения – станция БАМ.

На перрон Алексей спрыгнул, не дожидаясь полной остановки поезда. Пожилой кондуктор погрозил ему за это пальцем, улыбаясь в седые усы. Алексей помахал ему рукой в ответ и, поправив на плече вещмешок, с небольшим чемоданчиком в руке направился к входу в вокзал. Вскоре вышел обратно, размышляя, в какую сторону идти. До места пересадки, как оказалось, нужно добираться километра два, а то и три. Пересадку на следующий поезд нужно будет совершить на главной станции. Однако, билет в кармане, а поезд только рано утром. Свободного времени, как говорится, «вагон и маленькая тележка».

К новому вокзалу можно пройти пешком по путям, так ближе, но Лёшка решил идти по городу. Прошёл между новеньких двухэтажных домов. На торце одного из них был огромный плакат с лозунгом «Достоинно встретим XXIII съезд КПСС!», и портрет нового генсека, а на другом «Планы Партии – планы народа» и цифры будущей пятилетки 1966-1970. По деревянному тротуару свернул налево. Возле домов в палисадниках буйно зеленела черёмуха и акации. Солнце уже прилично припекало, но

---

* **Станция Бам** – в восточной части станции Тайшет служила как пересыльный и сортировочный пункт для отправки заключённых с 30-х годов, в том числе и для строительства БАМа. С середины 50-х служила как станция, для приёма и отправки поездов на северное направление. Просуществовала почти до конца 60-х годов.

жара ещё не наступила. Несколько сорванцов гоняли небольшой резиновый мяч, поставив вместо ворот по чурбаку. Лёшка с удовольствием бы к ним присоединился, но сначала нужно было сделать некоторые дела.

Дембель! Какое это сладкое слово! Позади три года армии и полная свобода впереди! Ехать можно на все четыре стороны, а хотя бы и здесь остаться. Рабочие руки везде нужны, а в Сибири тем более. Стройки ударные одна за другой. Есть возможность заработать и уехать, или здесь жильё получить. Про это перед отъездом ему рассказывал однополчанин из Тайшета Витёк Кротов, с которым после учебки оказались в одном взводе. В чемодане Витькино письмо к родным, просил зайти в гости, поклон передать. Скоро уж и сам приедет – следующую группу отправляют через неделю-две. Мать Витьки с младшей сестрой и бабушкой жили на улице с чудным названием – имени комиссара Бича. Лёшка как услышал, смеялся полдня. А Витька тоже посмеивался, говорил: «Все вокруг работают, а мы на нашей улице бичуем».

Витька звал Лёху в Тайшет, говорил: «Куда тебе ехать? Ни родных, ни близких. А у нас работа найдётся, будешь как сыр в масле кататься, водители везде нужны, а мы на «Мазах» с тобой, почти два года откатали. Девчонки за шоферами сами бегать будут табуном, отбою нет – только выбирай. Знаешь, какие у нас девчата симпатичные!»

Понедельник. Городское кладбище

Недалеко от края кладбища высился земляной холмик, и земля равномерно продолжала вылетать из ямы. Двое подъехавших на мотоцикле нагнулись над могилой.

– Привет, Митрич! Работа кипит? – коренастый присел на корточки.

Митрич перестал выбрасывать землю и, взявшись за края могилы, рывком выбросил своё сухопарое тело наверх.

– С Божьей помощью двигается помаленьку, – Митрич протянул руку, здороваясь с мужиками.

– Ты вот, Митрич, уже немолодой, а один могилы копаешь, а ну как не вылезешь?

– Как не смогу сам выбраться, так значит, пора помирать, – Митрич едва улыбнулся, – а вы чего, на прорыв пожаловали?

– Да уж. Начальство распорядилось. Чтоб, значит завтра обоих похоронить вместе, – коренастый стал развязывать привезённые лопаты. – А ты гляжу, уже до полатей* докопался, может, и нам ещё поможешь.

– Ага, вам дармоедам только и помогай. Сейчас ещё, поди, и обед вам привезут, и выпивку?

---

* **Полати** – перекрытие досками пространства в могиле над самым гробом. Местный обычай при организации захоронения. В настоящее время практически не используется.

– А как же! Копщиков покормить – святое дело! Мы ж вроде как не за деньги копаем, а кормёжка должна быть, как следует! – и коренастый лихо щёлкнул себе пальцем по горлу.

– Ботало** ты, Петруха, – беззлобно изрёк Митрич. – Вот Ванька хоть помалкивает, так за умного сойдёт. Давай лучше размерим, чтобы недалеко друг от дружки. Но отступить надо, чтоб родным место осталось про запас.

– Давай сначала перекурим, хорошее дело всегда надо с перекура начинать, – Петруха хохотнул.

– Ну, ботало ты, ботало и есть! – Митрич достал из кармана раскладной плотницкий метр и принялся размечать контур новой могилы.

За два дня до этого. Станция Тайшет. Лёшка

Неспешной походкой минут за тридцать Лёшка подошёл к новому каменному красавцу-вокзалу. Внутри его, в западной стороне расположились кассы. Алексей занял очередь к работающему окошечку и уже минут через двадцать протянул кассиру требование и военный билет, для оформления проезда до пункта назначения. Спросив у кассира, где находится камера хранения, Лёшка прошёл по перрону, мимо спешащих на посадку пассажиров, сдал вещмешок и чемоданчик, предварительно переложив в простую холщовую сумку гостинец от Виктора – несколько банок тушёнки, дембельский альбом и письмо. Тушёнка была промазана солидолом и поэтому завернута в обёрточную бумагу на несколько рядов. Альбом Витек попросил увезти, а то мало ли, вдруг на вокзале патруль шмонать будет. У некоторых, говорят, уже изъяли. Хотя никакой секретной информации в фотографиях не было. Просто, снимки однополчан, возле своих машин, а ещё с танкистами, с автоматами на стрельбах и другие обыкновенные армейские снимки. Оформлены, правда, ярко и даже пестро, с рисунками на вклеенных между страниц листах папиросной бумаги, с металлической чеканной окантовкой на лицевой обложке: щит со звездой, и выезжающий как бы из этого щита МАЗ-200. Чеканку умудрялись делать из той же консервной банки, аккуратно её распустив. Под каждой фотографией подписи однополчан с пожеланиями успехов в дальнейшей жизни.

У Лёшки в чемодане свой альбом, почти такой же, как у Витьки. Делали-то вместе. Но особенно хорошо чеканка получалась у Виктора. Желающие иметь альбом оформленный «по моде» подгоняли пару банок тушёнки, а взамен получали эмблему...

Демобилизоваться вместе не получилось – у Витьки застопорилась передача машины. Нужно было двигатель перебрать, а Лёшка свою сдал без проблем, и отбыл на гражданку...

** **Ботало** – грубый колокольчик на шее животного, чаще всего коровы, брякающий постоянно во время движения животного. Здесь использовано в переносном смысле.

На привокзальной площади Лёшка зашёл в столовую и, взяв полный обед: борщ с мясом, котлету с картошкой и чай, прошёл к столику, за которым обедали двое рабочих в спецовках. Поздоровавшись, Лёшка поставил свой поднос и присел на маленький табурет.

– Отслужил? – спросил тот, который постарше и, услышав в ответ «так точно», добавил, – Это хорошо!

Второй рабочий был ещё совсем молодой. Кивнув в его сторону, старший пояснил:

– А Лёшке осенью в армию.

– Меня тоже Лёшкой зовут, – Алексей протянул руку вначале старшему, затем тётке.

– А меня Георгий Данилович, можно просто – Данилыч. У тебя, наверное, пересадка?

– Да. Но поезд только рано утром. А мне здесь нужно ещё гостинец передать от сослуживца, на улицу Бича.

– Ну, это недалеко. От вокзала прямо дойдёшь до Пролетарской, а за ней сразу – Бича. А куда дальше – на месте сориентируешься. Ну, бывай служивый. – Рабочие закончили обед, собрали на разномы посуду. – Нам на работу пора, тут ещё недалеко колодцы проверить надо, ревизию навести.

– Так сегодня же суббота, выходной?

– Суббота – то, суббота, да у нас она нынче рабочая. А завтра наш праздник – день железнодорожника. Тогда и отдохнём.

Мужчины подхватили подносы и понесли к окошечку, над которым написано крупно: «Порядок у нас такой! Поел, убери за собой».

В этот же день. Станция Тайшет, привокзальная площадь

Неспешным шагом Алексей возвращался к вокзалу. Задание Витька было выполнено. Дома была только старая бабка, которая сначала подумала, что это внук вернулся, а потом всё пыталась Лёшку накормить. Но тот отказался – только что в столовке наелся. Передал посылочку, сказал, что Витёк скоро приедет, а потом и он, Лёшка, наверное, приедет, но сначала нужно родные места посетить.

Возвращаясь, подошёл к расположенному недалеко от вокзала городскому Дому культуры. На афише красовалось потешное лицо Георгия Вицина, весьма похоже изображённое местным художником-оформителем. «Женитьба Бальзаминова» было написано по диагонали снизу вверх, а ниже помельче – фамилии актёров и время сеансов. «Можно будет вечером в кино сходить» – подумал Лёшка и подошёл к киоску купить сока.

– Стакан яблочного. – Лёшка залпом выпил стакан и, попросив повторить, второй выпил уже не спеша.

Сок из двух конусных стеклянных колб наливала крупная в теле продавщица, в когда-то белом, повидавшем многое на своём веку, фартуке. В одной колбе яблочный сок, в другой томатный. Продавщица ловким движением опрокинула пустой стакан на металлический ободок, повернула ручку, и струйки воды обмыли стакан изнутри и снаружи.

– Мне ещё пачку «Севера», – Лёшка протянул рубль, взял папиросы и сдачу, отошёл немного в сторону и закурил.

Мимо проходили прохожие, в одну и в другую сторону, многие обращали внимание на красивого парня в военной форме со значками на груди, приветливо улыбались, некоторые здоровались с ним. Стайкой пробежали к автобусу молодые девчонки, оглядываясь на ходу и смеясь, запрыгнули на подножку, и через стекло помахали Лёшке.

«Точно, надо на последний сеанс сходить» – подумал он, направляясь к вокзалу. Но мыслям этим не суждено было сбыться, потому что жить Лёшке на этом свете оставалось не более десяти минут.

Возле люка канализации, прямо у угла вокзала, копошились двое рабочих. Лёшка издалека узнал в них обедавших вместе с ним в столовой. «Подойти, что ли? Всё равно делать нечего». Он не спеша направился в их сторону. Рабочие при помощи фомки подцепили чугунную крышку люка, посветили фонариком, и старший стал спускаться вниз. Алексей подошёл уже совсем близко, и вдруг понял, что что-то случилось. Его тёзка начал растерянно метаться вокруг люка, не зная, что делать. В три прыжка Лёшка подбежал к колодцу.

– Что случилось?

– Не знаю. Данилыч вылезал и чего-то упал, не отвечает!

– Свети вниз, – Лёшка, заглянув, увидел лежащего ничком внизу Данилыча, неглубоко, метра два с небольшим. Из колодца поднимался слегка приторный запах.

– Давай верёвку.

Лёшка бросил конец верёвки вниз, нахлобучил на паренька свою дембельскую фуражку и, глотнув побольше воздуха, быстро нырнул вниз. Пока спускался и обвязывал Данилыча за пояс верёвкой, начала кружиться голова, в висках застучала кровь. Сильнее и сильнее. Лёшка, полез наверх, но воздуха в лёгких не хватило. Сознание помутилось, и Лёшка, едва показавшись из колодца, рухнул вниз прямо на Данилыча.

Плачущего и что-то кричащего возле колодца своего тёзку и подбежавших прохожих он уже не услышал...

Вторник. Городское кладбище

Время приближалось к двум часам пополудни. На кладбище похоронная бригада из трёх человек закончила последние приготовления. Две свежевыкопанные могилы были приготовлены метрах в пяти одна от другой. Земля аккуратно располагалась по внешним краям, а поперёк могил лежали приготовленные доски – по две на каждой. Рядом кучкой ещё, коротко напиленные – так называемые полати.

Мужики почистили лопаты и, нацедив чаю из закопчённого до черноты котелка, чинно расположились на досках.

Вдалеке, со стороны станции, раздался протяжный гудок локомотива, к которому добавился другой, более хриплый. Оба сигнала слились в один, тревожный вой, который длился, казалось бесконечно долго. Наконец оборвался.

– Понесли! – Пётр отхлебнул горячий и густой, словно дёготь, чай из алюминиевой кружки, – минут через тридцать будут на переезде.

– Глупо как-то всё получилось. Данилыч, вроде опытный мужик, три войны прошёл, а не сообразил подождать. С прошлого года люки не открывали. В других ничего, а в этом почему-то газ скопился. – Второй, худощавый, вытряхнул из своей кружки оставшуюся заварку в тлеющий костерок. – Митрич, угости самосадам, а то от папирос, только дым, а толку пшик.

– Спешка подвела. День заканчивался, а на понедельник работу оставлять ни то, ни сё. – Митрич достал из кармана лежащей на досках телогрейки плоскую жестяную баночку из-под леденцов, раскрыл, – угощайтесь.

Худощавый, которого звали Иваном, прихватил из баночки щепоть рубленого самосада, насыпал на согнутую газетную бумажку, разровнял и, ловким движением пальцев скрутил самокрутку, послуныявил языком край бумажки, склеил, прикурил от тлеющего уголька и сладко затянулся.

– А ты не желаешь? – Митрич повернулся к Петру.

– Не...е. Твой табачок больно уж ядрёный. Продирает аж до самой...!

Митрич заворачивая сигарку, довольно улыбнулся:

– А то! Мы плохого не держим. Кури тогда свои фабричные. А по мне, магазинское курево – это только деньги переводить. А тут сам посадил, сам порезал, сам высушил. Потом ни одна зараза не пристанет. У меня в сарайчике, где табак сушится, даже мухи не летают.

Мужики помолчали, затем разговор снова возобновился.

– Вот взять Данилыча. Несчастный случай – сам можно сказать, сглупил, сам и пострадал, а солдат этот ни за что, ни про что! – подал голос Пётр.

– Видно так Богу было угодно. – Митрич бросил окурочек сигарки в костерок.

– Вот ты, Митрич, всё Бог да Бог! А почему если Бог есть, он такой несправедливый? – Пётр горячился, – Вот смотри, этот солдат ещё жизни не видал. Не женился, детей не родил, дом не построил. Ничего ещё в своей жизни не успел, а Бог твой такое допустил! Зачем?

– Ты, Петруха, жизнь видишь со своей кочки. Да и все мы тоже. Как наши жизни переплетаются Ему одному известно. – Митрич стал серьёзен, глаза прищурились в узенькую щёлку. Слова подбирал тщательно взвешивая.

– Вот давай прикинем, что дальше у парня могло быть в жизни. Я слышал, что он детдомовский. А сколько детдомовских по тюрьмам пошли или спились, не знаешь? А я знаю! Потому что сам детдомовский. Не факт, конечно, что он обязательно в эту сторону жить бы начал, но шансы большие. Мне в своё время повезло, хороший человек встретился, можно сказать от тюрьмы спас. А вот теперь смотри, что получается. Парень этот обыкновенный, как все. А у каждого есть внутри хорошее и плохое. И всякое из человека может вылезти. А тут такой случай! Увидел, что мужик погибает, и спасать кинулся, о своей жизни и не подумал. Как у Суворова сказано: «Сам погибай, а товарища выручай!» Вот он сам и погиб, хоть и не выручил, а его Господь в таком порыве сразу к себе и забрал. В евангелии как сказано: **«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»!*****

– Тебе бы, Митрич, попом быть, а не могилы копать! – молвил Иван, – вишь, как всё вывернул на свой лад, – он хотел ещё что-то добавить, но от переезда показалась траурная процессия.

Впереди шли люди, несущие венки, за ними медленно двигался ЗИС с опущенными бортами, на кузове которого поверх пихты стояли два обитых кумачом гроба. Там же, привязанные к переднему борту стояли две крашеные тумбочки с жестяными звёздочками наверху. За машиной густо шли люди – сослуживцы Георгия Даниловича, соседи, близкие и просто знакомые. Были и представители военкомата, сопровождающие в последний путь солдата.

Колонна медленно спускалась к кладбищу, её бойко обогнали пять или шесть человек с трубами, встали на обочине и по взмаху руки старшего заиграли похоронный марш Шопена. Пронзительная музыка звучала над кладбищем, мимо оркестра проходили люди, многие из которых не могли сдержать слез.

За всем этим наблюдали трое возле могил.

– Я бы оркестры эти запретил на похоронах. И так людям тошно, а они ещё душу рвут, – произнёс Петруха.

И они начали тушить костёр. Впереди оставалось самое трудное – прощание.

август 2016г. – июль 2017г.

*** **Ин. 15:13**

О НАГРАДАХ

Награды бывают разные

Хочется немного поговорить о наградах.

Награда сама по себе, это благодарение за понесённые труды. Награды бывают государственные, ведомственные, общественные. За боевой, ратный подвиг и за мирный труд и за спасение жизней людей, попавших в беду. Много существует наград за достижения в науке, спорте, культуре и в других дисциплинах. От почётных грамот, кубков и медалей, до заслуженных званий.

Несколько лет назад я столкнулся со следующим явлением. Оказывается награду можно купить! Правда, действия эти завуалированы, но суть продажная. Даже вроде как бизнес такой. К примеру, некая общественная организация, называющая себя благотворительным фондом Святого равноапостольного Великого князя Владимира, пользуясь базами данных на граждан РФ, присылает тебе письмо, в коем извещает, что этот фонд решил наградить Вас в числе прочих отличившихся, орденом вышеуказанного князя за трудовые заслуги перед Отечеством. И далее расписывается во всей красе, какие общеизвестные люди этим фондом уже награждены. Фотографии с награждений, в которых принимают участие всеми любимые наши соотечественники, такие как Николай Дроздов! (Вполне допускаю, что несколько таких человек были награждены совершенно безвозмездно, для дальнейшей рекламы сего фонда). Указывают на то, что Вы потрудились в делах благотворительности и общественной жизни и т.д. К завершению прочтения сего письма у адресата складывается стойкое мнение, что он и в самом деле достоин награды. И непонятно только, как его, всеми уважаемого, до сих пор эта награда обходила стороной! А для получения ордена общественного признания необходимо срочно дать письменное согласие на награждение. Сие согласие уже напечатано. Достаточно его заполнить и отправить обратно.

В конце письма уже мелким шрифтом дана информация о том, что необходимо перечислить некоторую сумму пожертвования на расчётный счёт сего фонда, а именно 50 тыс. целковых для награждения орденом II степени или 150 тыс., орденом I степени на ленте. Орденская книжка и прочая атрибутика прилагаются.

Показал письмо жене, сам наблюдаю, как удивлённо ползут вверх брови, затем лицо приобретает довольный вид. Говорю: «Читай до конца». Вижу, как её лицо из довольного становится кислым. Спрашивает:

– Что это? Жульничество?

– Да нет, – говорю, – бизнес такой.

Месяца через три, в местной районной газете появилась заметка с фотографией. Нашу землячку наградили орденом Святого равноапостольного Великого князя Владимира I степени. Вручили награду в Москве, в одном из павильонов бывшего

ВДНХ. Всё по-честному: благотворительность есть? Есть! Многолетний труд и активное участие в общественной жизни? Есть! Все довольны.

Награды церковные

Когда стал служить в церкви, узнал, что существуют награды церковные. Первую такую награду я получил, когда архиепископ Вадим совершал надо мной священническую хиротонию. То есть из диакона, рукополагал в священники. Тогда на меня был возложен набедренник, что привело меня в крайнее недоумение. Но мне потом объяснили, что за три года диаконской службы Владыка наградил меня первой церковной наградой. Затем было право на ношение камилавки (священнический головной убор), наперстный крест и даже церковные медали.

Кроме вышеуказанных, существуют ещё награждение званием протоиерея, правом на ношение палицы, наперстного креста с украшениями, митрой, крестом патриаршим и правом на служение Литургии при открытых Царских вратах по «Отче наш...».

В принципе все эти награды даются по истечении определённого времени безупречного служения. Набедренник – через 3 года, камилавка – 5 лет и т.д. Но награждают по-разному. Кого-то скорострельно, а кого вообще никак. От Владыки зависит и от тебя, конечно. На эту тему существует следующая байка.

Во времена, когда епархии были большими, архиереев было мало, а отдалённые приходы ими посещались крайне редко, (некоторые может и никогда), на отдалённый сибирский приход рукоположили одного молодого священника родом из западной Украины. Священник служил себе потихоньку, жалобы на него не поступали. Требы совершал исправно, нос в разные дела не совал, властям не перечил, и научился жить со всеми в мире. Иногда посещал епархию, тихо и незаметно решал свои насущные вопросы с секретарём, на глаза Владыки не лез. А их уже сменилось несколько. Некоторые про существование батюшки просто не знали. В отпуск раз в несколько лет тот ездил на родину. Кое-кто из его родных служили в тех местах священниками, и даже настоятелями.

Надо заметить, что украинские служители как-то поактивнее сибирских будут. Во всех делах: служебных, житейских и карьерных тоже. У них награды церковные случаются регулярно, а зачастую раньше срока. Наш иерей решил для себя эту проблему самым радикальным образом. Прошло, к примеру, пять лет, и батюшка надевал к уже имеющемуся набедреннику, камилавку. А ещё через пять жёлтый наперстный крест. А чего ждать, пока про тебя вспомнят. У архиереев и поважнее дел полным-полно. Народ же на приходе воспринимал очередную награду своего настоятеля как должное. Прошло время. Наш священник уже был немолод, и времена круто поменялись. Страна стала другой. Проверяющие органы были упразднены и отношение к церкви изменилось на прямо противоположное.

Вновь назначенный архиерей был ещё достаточно молод и энергичен. Одно из первых неотложных дел было личное ознакомление с приходами. Наш настоятель был

уведомлён телеграммой, что Владыка прибудет такого-то числа, и будет совершать Литургию. Чтобы всё было приготовлено в лучшем виде. По дороге Владыка расспрашивал старенького секретаря епархии, трясущегося вместе с ним по разбитой грунтовке в архиерейской Волге, о настоятелях приходов, которые ему в данной поездке предстояло посетить. О нашем расспросил тоже. В информации секретаря значилось, что батюшка тихий, особых нареканий не имеет, особого рвения тоже. Наград церковных также не имеет. Каково же было удивление Владыки, когда на паперти храма с крестом на подносе его встретил митрофорный протоиерей! Как говорится - картина маслом!

Награды от Бога

Всё, о чём выше сказано – это награды человеческие. Хоть спортивные, хоть трудовые, хоть боевые, хоть церковные. В человеке изначально заложено желание награды и сопутствующая ей слава. Чтобы все знали и видели, какой я добрый и хороший! Требование награды естественны для человека, особенно если он вне Церкви. Для тех же, кого мы именуем воцерковленными, принцип иной, изложенный самим Христом: *«Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»* (Мф. 6.3).

То есть Бог призывает творить добрые дела без ожидания награды и благодарности. Но это сложно, непривычно и даже огорчительно. Путь к бескорыстию сложен, долог и тернист. Лукавый же обязательно пытается с толку сбить, ибо не хочет, чтобы мы были такими. Некоторые подвижники предупреждают даже: «Делаешь доброе дело, жди искушений», а люди нецерковные трактуют по-своему: «Не делай добра, не получишь зла». Как раз по евангелию от сатаны. То есть запугивает лукавый, желающих делать добро, и массу примеров тому подкинет.

Однако Бог раздаёт щедро всем кому хочет и не только за что-то, но и вопреки. И всех нас Господь наградил выше всякой меры, во-первых, тем, что воззвал нас из небытия. А во-вторых, отмыл нас в Святом Крещении от грязи греховной и дал нам Дары Святаго Духа для жизни вечной. Каждому свои Дары. Другое дело как мы всем этим пользуемся. И ещё много чего щедро даёт Господь, а иногда и награждает. У него свои награды. Без орденских книжек и торжественных фанфар. Часто награждаемый награды даже и не замечает.

Кстати у священников свои награды от Бога тоже бывают. О некоторых расскажу ниже.

Покаявшийся разбойник

До начала вечерней службы осталось пара часов. Час на дорогу и подготовку к службе в храме, ну а часок перед воскресной всенощной можно отдохнуть, покемарить. Но не тут-то было. Раздался телефонный звонок, и женский голос на том конце

попросил приехать к умирающему брату. Я поинтересовался, что с ним и как зовут, оказалось, что онкология, последняя стадия, а зовут, как и меня – Владимир. Крещёный, но в церковь не ходил. А священника позвал сам, сказав, что будет помирать.

Говорю женщине, что скоро воскресная всенощная, давайте, мол, завтра после литургии, но та просит приехать немедленно. Ну что ж, как раз час времени в запасе. Выясняю адрес и еду в Бирюсинск. Когда нашёл адрес, где живёт больной, то удивился. Оказывается наш отец Иоанн живёт этажом ниже, на этой же площадке. Ну, раз приехал, то приехал. Меня уже ждали, провели в комнату к больному. Владимир выглядел ещё достаточно крепким, хотя уже ничего не ел последние дни, только воду пил. На вид лет шестидесяти, но я ошибся на целых десять лет. Он лежал, не стоная, только временами морщась от нестерпимой боли. Из одежды на нём были только плавки, да золотой крест на такой же золотой цепи. Да ещё золотом сверкали вставные зубы...

Перешли к делу. Владимир отвечал на вопросы, которые я ему задавал. Крестился в 12-летнем возрасте в Бирюсинске – бабушка крестила, а затем подросток и поступил в речное училище, а после армии уехал в Магадан. Там всю жизнь и прожил, и лишь совсем недавно перебрался в родной городишко, где у него проживала сестра. Да вот практически сразу пришла последняя болезнь. Не успел пожить на старости в родных пенатах. Детей родных нет. И жены нет. А было их четверо.

Я объяснил ему, что в его положении нужно исповедаться и причаститься. Сказал что готов. Тогда я прочитал необходимые молитвы, и мы приступили к исповеди. Осенял себя крестным знаменем Владимир достаточно уверенно, только движения его были медленны, и речь тоже. Исповедь его была сдержанна, но на вопросы отвечал честно, себя не выгораживал и не оправдывал. Исповедался настолько, насколько может исповедаться человек в его состоянии и без опыта исповеди. Когда читал разрешительную молитву, Владимир одной рукой держался за крест на груди, другая бессильно лежала на кровати.

Позвал сестру и объяснил ей, что завтра в шесть утра буду здесь с Дарами и причащу Владимира. А больному, сказал следующее:

– Владимир, то что ты исповедался это очень хорошо, но когда я уйду и тебе поставят укол, ты, пожалуйста, проси у Бога прощения, закрой глаза, возьми крест, как ты держал, и проси простить тебя за то, что ты без Него жил, грешил и не каялся. И о всех твоих делах окаянных, вольных и невольных. А я рано утром тебя буду причащать, и ты Его Самого внутрь себя примешь.

И я побежал на службу.

Утром в шесть со Святыми Дарами я был уже у знакомой двери, которую распахнула другая женщина – племянница Владимира, которая сказала мне, что ночью тому было очень плохо. Говорит:

– Всю ночь за крест держался и шептал: «Господи, помилуй!». Только с полчаса как затих.

Мы прошли в комнату. Владимир выглядел заметно хуже. Меня вначале не узнал, но когда я положил ему руку на лоб, то взгляд его как бы сконцентрировался и прояснился. Он меня узнал и понял, что сейчас будет.

Пока прочитал кратко молитвы перед причастием, Дары были готовы к потреблению. Рядом стояла рюмочка со Святой водой.

– Сможешь проглотить? - спрашиваю. Тот слегка кивнул. Причастили. Запил всё Святой водой, и поцеловал вначале миниатюрную переносную Чашу, затем крест и Евангелие. Едва слышно сказал спасибо. И ответил едва заметным рукопожатием. Я с ободрением в голосе говорю:

– Если всё нормально, то в понедельник пособорujemy, и будешь как огурчик.

Владимир прикрыл глаза – устал. Через двадцать минут я уже готовился к службе в алтаре храма.

По окончании Литургии обычно отвечаю на пропущенные звонки в телефоне. Был среди пропущенных звонков от племянницы Владимира. Когда взял трубку, сообщила:

– Владимир умер, ровно через двадцать минут после того, как Вы ушли. Мы уже беспокоить Вас не стали. Хотим, чтобы в понедельник Вы его отпели. Адрес Вы знаете.

В понедельник в час дня я совершал отпевание в знакомой квартире, только гроб стоял в другой комнате. Служба шла торжественно и немного радостно, потому что ясно и понятно – ОН его простил! Как разбойника, покаявшегося в смертный час. И принял, не желая больше его мучений. Владимиру это выше всякой награды, и мне награда, потому как через меня грешного Господь совершил это спасение.

Кратким чином

Однажды только закончил молебен в больничной часовне, как заглядывает заплаканная женщина, на лицо знакомая, меня знает хорошо. Ещё по старой заводской жизни. Просит чем-нибудь мужу помочь, тот в реанимации. Говорю, что сейчас схожу, если пустят. И спрашиваю, как его зовут? «Так вы же Толика знаете», и называет фамилию. Ну да, помню ещё по комсомольской молодости. В храме, правда видел всего два раза, и то мельком.

Супруга продолжает всхлипывать:

– Привезли его вчера, в палату определили, он в сознании был, а потом всё хуже. Потом в реанимацию, он там уже без сознания, и ему всё хуже.

– Ладно, - говорю, - будем молиться о рабе Божиим Анатолии.

– Так он у меня некрещёный! Всё на потом откладывал, как на пенсию мол, выйду, так и покрещусь.

Я был в некоем замешательстве. Но решение пришло быстро. Раз желание покреститься было, значит, будем крестить.

Я взял бутылку с освящённой водой, специально для такого случая хранящейся, (с крещения в храме набрана) небольшую водосвятную чашу и требник. Ещё взял крестик на гайтане и маленькую иконку спасителя. Надел бахилы и накинул халат. Епатрахиль и поручи не успел снять после молебна.

В реанимации спросил у дежурного врача, можно ли к больному, покрестить.

– К этому можно, – разрешил врач и дал в помощь одну из медсестёр. Когда зашли в реанимационный блок, картина предстала одновременно страшная и комичная. Грузный Анатолий лежал на боку, даже скорее на животе. Сам голый, только памперс одет, это и придавало некую комичность. Толик хрипел, в носу трубка, в правую руку воткнута капельница.

Я положил на тумбочку требник, в чашу налил воды из бутылки, и начал читать «Краткий чин крещения, страха смертного ради». По окончании молитвы попросил медсестру, которая в сторонке наблюдала за моими действиями, налить воду мне из чаши в ладони, так как чаша очень маленькая и ладошки в неё не входят.

– Крещается раб Божий Анатолий, во Имя Отца, Аминь. - Я возлил воду на голову Толика, потом снова, – и Сына, Аминь. И Святаго Духа, Аминь.

Когда возливал в третий раз, больной хрипеть перестал, и начал что-то бормотать, как будто крепко выпивший человек, когда его будят. Крестик одел ему на руку, так как провода и трубки мешали. Затем промокнул ему голову полотенцем, поцеловал в лоб, на прощание сказав:

– Всё будет хорошо!

Медсестра смотрела на меня при этом, наверное, как на старика Хоттабыча, когда тот трах-тибидох делал.

Про себя думаю: «Вот где справедливость? Кто-то всю жизнь в храм ходил, во всём себя ограничивал, и прочие добродетели совершал, и с грехом боролся. И ещё не факт, куда после смерти определится. А этот всё откладывал на потом, и тут на самой грани ему Господь всё прощает, и в награду даёт динарий! Сегодня помрёт и прямоком в рай!». В человеческую логику это не укладывается, а в Божескую легко.

Но Господь всё по-своему устроил. Через три дня, после молебна, думаю как там новопросвещённый? На отпевание не звали, может живой ещё? Смотрю в списке – значится там же. Поднимаюсь, прошусь заглянуть к больному. А тот на спине лежит, на меня смотрит и улыбается во весь рот. И рукой, в которой тогда капельница была, мою руку пожимает, достаточно крепко. Речь, правда ещё плохо восстановилась.

А ещё через две недели я докрещивал Анатолия у него дома, в присутствии жены и дочери. Исповедал в начале. Затем совершили миропомазание, пострижение влас, а на другой день и причастие. Анатолий уже достаточно хорошо перемещался по квартире. Разговаривал не совсем внятно, но матерился вполне уверенно, хоть я его и ругал за это. Ещё через недельку супруга увезла его в реабилитационный центр в Иркутск.

Любовь и голуби

Я тогда ещё работал директором небольшого муниципального предприятия, контора которого (а по-современному офис) находился в бойком месте. Рядом вокзал, школа, детский сад и другие социальные объекты. Остановка автобусная тоже. Короче говоря, место проходное. Со временем стал наблюдать, что с утра голуби собираются в огромном количестве. Располагаются на близлежащих деревьях, проводах и крышах. Оказывается площадка перед нашим зданием, стала местом их кормёжки.

Из окна кабинета я наблюдал за устройством сего птичьего пиршества. Ею была женщина пенсионного возраста, одета достаточно просто, но не неряшливо. Походка её была быстрой, хотя немного шаркающей. В руках две хозяйственные сумки. При приближении её со стороны вокзала, птицы срывались со своих мест и начинали кружиться огромной стаей, то поднимаясь вверх, то падая вниз, почти на голову своей благодетельницы, которая, не обращая, казалось бы никакого внимания на эту радостную птичью суету, скорым шагом приближалась к месту кормления. Придя на место, она откладывала в сторону хозяйственную сумку, а из другой доставала зерно, и ловкими движениями руки сеятеля, щедро оделяла птиц кормом. Птицы кучно садились почти друг на дружку, но никакой драки не наблюдалось. Даже на снующих между ними воробьёв не отвлекались. Кормительница же видя, что корма на всех хватит, подхватывала сумки и устремлялась дальше, таким же скорым шагом.

Решил познакомиться с нею, поговорить, предложить помощь если нужно. Однажды такая встреча состоялась. Подождав пока та распределит корм среди питомцев, я подошёл и поздоровался, назвав своё имя и то, что здание это и прилегающая территория находится в моем ведении. Женщина, которую звали Любовь, вначале насторожилась, видимо подумала, что буду требовать сменить место, но я претензий никаких не высказал, а напротив, похвалил и выразил желание при случае помочь.

Я узнал, что средств на корма уходит достаточно много. Ведь пунктов питания у неё оказалась несколько. Сначала возле своего дома в районе «пятак» (так называется у нас микрорайон по ул. Андреева - Локомотивная). Кстати некоторые жильцы недовольны птичьим базаром, мол, гадят голуби на машины и вокруг. Притом наш питательный пункт, самый большой. В районе старого райисполкома у неё пункт питания для четырёх бездомных собак, и далее на окраине, где живут дети, точнее строят дом, так называемая дача. Там тоже птицы, но поменьше и помельче, голубей нет.

Пенсия делится на три части. Одна на себя – квартира, коммуналка, еда. Вторая на птиц и животных. Ну а третья, так это внукам и детям надо помочь. Они, конечно, отказываются, но я же вижу, что денег не хватает, зарплаты небольшие, а дом надо строить. Дети конечно увлечению мамы не обрадовались, даже стыдились общих знакомых, пытались отговорить, но потом махнули рукой.

Как-то незаметно мы подружились, обменялись телефонами. Женщина была верующей, вот только на утренних службах и литургиях не бывала, так как распорядок

сложился такой, что всех кормить нужно с утра и каждый день. К тому времени я уже служил в качестве второго священника, а вскоре и настоятелем назначили. Встал вопрос о завершении мирской карьеры.

Стали мы с нашими работниками Любови кормами помогать. На оптовке мешок перловки да пару сумок пшена не сильно большая затрата, а ей на пару месяцев облегчение. Закинем ей в разные места. Часть на дачу, а бóльшую домой. На пятый этаж. Пока мешок допрёшь, ножки предательски подрагивают и пот градом. А вроде недавно силушки богатырской было хоть отбавляй.

Ну да ладно, Любови полегче, и у меня совесть примолкла. А тут и дела с переходом моим в церковь подошли к завершению. Надо сказать, что я Любовь все-таки несколько раз на службу свозил. И даже один раз на Литургию. Исповедовал и причастил.

Когда прощался с коллективом, дал наказ помогать кормами, как и впредь. Иначе, говорю, епитимью наложу.

Прошло около года. Я хоть за регулярностью служб, редко, но голубиный базар наблюдал, но однажды картина изменилась. Голуби в таком количестве перестали собираться. Так, разрозненные стайки. И не кружили тучей перед кормёжкой. Просто Любовь больше не приходила. Телефонный номер её к тому времени я потерял (вместе с самим телефоном), а квартира оказалась закрыта. Соседи сказали, что вроде переехала куда-то. Ребята с моей бывшей работы стали подкармливать птиц сами, но те слетались неохотно, и количество их уменьшилось в разы. Это было удивительно, кормёжка ведь та же. Но оказывается дело не только в кормёжке. **Просто Любовь их любила. И они её тоже.** А пищу принимать от любимого совсем другое дело, чем от кого попало.

Прошло ещё года три. Однажды случилось мне совершать отпевание в одном из залов прощаний. Дело обычное. Приехал, раскрыл требный чемодан, облачился и подошёл к немногочисленным родным. Надо заметить, что в нашем небольшом городке многих знаешь, а у многих лица знакомы, хоть и не помнишь кто это. Требовалось вписать имя в разрешительную молитву. Когда попросил родных назвать имя усопшей, услышал в ответ: «Любовь. Да, Вы батюшка её знаете. Помогали голубей кормить». А я ведь её и не признал! Болезнь, которая случилась с ней, конечно, сильно её изменила.

Служба, которая в народе именуется отпеванием, совершалась мною на одном дыхании. Можно сказать вдохновенно. И скорби не было ни капли, а лишь торжество совершаемого действия. Когда прочитал разрешительную молитву и вложил её вместе со свечой и черным требным крестом в руку, приложился губами к венчику на лбу усопшей. Обращаясь к детям и внукам сказал следующее:

– Многое Господь простит рабе Своей за её любовь к братьям меньшим. А мне сегодняшнее отпевание Господь дал как награду!

Октябрь 2018 г.